

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЛИСТА

«В жизни и в работе я всегда искал и находил друзей. Многие мои ученики и друзья меня помнят, радуют своими письмами», – писал Дмитрий Иванович Архангельский в автобиографии.

И сотни писем, переданные в дар музею-мемориалу В.И. Ленина внучкой художника Натальей Андреевной Мешалкиной, подтверждают это.

Долгую и плодотворную жизнь Дмитрия Ивановича можно разделить на три периода: симбирский (1885 – 1934), обнинский (1934 – 1941), подмосковный (1941 – 1980). Несмотря на все невзгоды и потери, он считал себя счастливым человеком. На вопрос друзей, что такое счастье, отвечал: «Я не философ, не могу определить, но сам я счастлив: у меня много друзей, мой труд, мои знания, мои коллекции нужны людям, значит, живу я не напрасно».

Удивительная отзывчивость и доброта притягивали к нему людей: в подмосковные Родники приезжали бывшие ученики, начинающие и маститые художники, искусствоведы и краеведы, музейщики, земляки, поклонники его искусства. Для каждого посетителя у Дмитрия Ивановича хватало душевного тепла и внимания. «Узлом связи» назвал Родники обнинский краевед В.А. Иванов.

Неоднократно бывал в Родниках и уроженец Симбирска Константин Андреевич Кабанов, с которым художника связывали долгие годы дружбы и общения.

Родился Константин Андреевич 27 июня 1894 г. в Симбирске, в семье Андрея Сергеевича Кабанова – воспитанника Симбирских педагогических курсов, руководимых Ильей Николаевичем Ульяновым. После окончания курсов он работал народным учителем в селах Симбирской губернии. С первых шагов учительской работы зарекомендовал себя талантливым педагогом и воспитателем. Участвовал в работе учительских съездов, выступал на них с докладами. Его доклад «Обучение письму» И.Н. Ульянов напечатал в своем «Отчете о Симбирском учительском съезде 1874 года». Годом раньше А.С. Кабанов выступил

перед учителями с показательными уроками по наглядному обучению, которые были одобрены как участниками съезда, так и И.Н. Ульяновым. От И.Н. Ульянова учитель Кабанов перенял такие качества, как любовь к народной школе, уважение к педагогической профессии. В 1877 г. И.Н. Ульянов перевел его из сельской школы в одно из городских училищ с целью «поставить училище в число лучших», где Андрей Сергеевич работал до мая 1882 г. В том же году не без участия Ильи Николаевича Кабанов получил место учителя приготовительного класса в Симбирской мужской гимназии. Одновременно он был приглашен в семью Ульяновых в качестве домашнего учителя детей, готовя их к поступлению в гимназию. В Симбирской гимназии А.С. Кабанов проработал около пяти лет и зарекомендовал себя высокообразованным и опытным учителем. В 1883 г. у него учился в приготовительном классе Дмитрий Ульянов и окончил его с похвальным листом. Впитав в себя демократизм и гуманизм И.Н. Ульянова, А.С. Кабанов много сделал для подготовки к гимназическому курсу детей трудового населения Симбирской губернии.

В 1887 г. приготовительный класс, согласно распоряжению министерства, был закрыт. С августа 1888 г. А.С. Кабанов – учитель русского языка, чистописания и истории в ремесленном училище графа Орлова-Давыдова; позднее заведует школьным отделом в уездной земской управе.

В 1904 г. он определил в первый класс Симбирской мужской классической гимназии своего сына Константина. В ноябре 1909 г. был «допущен к преподаванию рисования» в гимназии Д.И. Архангельский. В работе с детьми, которая Дмитрию Ивановичу всегда нравилась, он был неутомим, изобретателен, его любовь и увлеченность живописью передавалась подопечным. Огромное значение Дмитрий Иванович придавал популяризации искусства, проявляя в этом незаурядную творческую инициативу.

Андрей Сергеевич Кабанов (1854 – 1917 гг.)

Во всех классах, где преподавал, он проводил беседы об изобразительном искусстве, ежегодно проводил конкурсы рисунков, отбирая лучшие рисунки для выставок. Дмитрий Иванович был одним из инициаторов обучения гимназистов старших классов истории изобразительного искусства. Занятия проходили во внеурочное время, гимназисты занимались только по желанию, но все без исключения старшеклассники, начиная с шестого и до выпускного восьмого, с большим интересом посещали их. Зводную лекцию курса «Что такое искусство?» прочитал Д.И. Архангельский. На занятиях использовались многочисленные книги и альбомы из собрания Дмитрия Ивановича и гимназической библиотеки. Чтение лекций сопровождалось демонстрацией так называемых туманных картин с помощью «волшебного фонаря» – предшественника диапроектора. Эти занятия активно посещал и гимназист Константин Кабанов, сохранивший добрую память о Д.И. Архангельском до конца своих дней.

В 1912 году, окончив пятый восьмилетний курс гимназии, Константин Кабанов поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет на естественный факультет.

События 1917 г. и последующая за ними гражданская война не позволили Константину Андреевичу окончить пятый университетский курс. Впоследствии он связал свою жизнь с наукой. Многие годы посвятил изучению родного края, вел палеонтологические исследования, работал в геологических партиях.

В 1944 – 1950 гг. был сотрудником Ульяновского областного краеведческого музея. Сделал ряд открытий в палеонтологии. Собранный им коллекция из мезозойских и палеогеновых отложений в Ульяновской области, насчитывающая более 18 тысяч останков ископаемых организмов, ныне хранится в Палеонтологическом институте Российской академии наук в Москве. Часть собранных им материалов находится в фондах Ульяновского краеведческого музея. Именем К.А. Кабанова назван один из видов динозавра.

В конце 1950-х гг. Константин Андреевич с семьей покинул Ульяновск. В письмах к Д.И. Архангельскому из подмосковной деревни Пахры, а позднее из Москвы, хранящихся в музее-мемориале В.И. Ленина, он рассказывает о семейных делах и заботах, о своих научных трудах, об изучении собранных им коллекций, «по образцам которых будет написан не один научный труд молодыми специалистами».

Сообщает о том, что его сын Георгий пошел по стопам отца. Он палеонтолог. Вместе с сыном Константин Андреевич не раз бывал в гостях у Д.И. Архангельского в подмосковном поселке Родники.

Из писем

Константина Андреевича Кабанова

16 ноября 1968 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

<...> Я не перестаю заниматься изучением своих коллекций. До сих пор нахожу в них много нового и неизвестного науке. Кроме этого, из разных мест получаю присылаемые авторами научные труды, которые, с одной стороны, позволяют не отставать от науки, а с другой – помогают приятно отрываться от однообразия нашей здешней, малосодержательной жизни.

Жду с нетерпением выхода второго дополнительного издания сборника с описанием природы Ульяновской области. В разделе, касающемся геологии области, есть и мой вклад. Первое издание, которое печаталось в Казани, имело небольшой тираж, а повторное скоро будет печататься в Ульяновске и выйдет увеличенным тиражом.

Одновременно высылаю бандеролью книжку о семье Ульяновых. Там есть краткие данные о симбирянах, в том числе и об отце. С упоминанием об отце вышло уже несколько книг, которые мне высылались авторами, а эту купил для меня сын в нескольких экземплярах, когда был в командировке в Ульяновске.

Посылаю небольшую карточку отца. Мечтаю побывать в Родниках и наговориться вдосталь лично. Очень прошу также к нам в Пахру. Мы будем ужасно рады.

Пока кончаю. Желаю всего, всего самого наилучшего, и в первую очередь доброго здоровья и хорошего самочувствия.

С искренним приветом, К. Кабанов
11 мая 1972 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Вторично за короткое время выражаю глубокую благодарность за посылку нам изображений старого Ульяновска. Повторяю то же, что говорил раньше: все, что касается родных мест, какими я знал их в бытность мою в Симбирске-Ульяновске, останется до самой смерти близким и родным. Это неповторимо.

Открытки выполнены художественно и сохранили весь аромат, всю любовь и прелесть, вложенные автором...

Посылаю свое повествование о ночевке на старой Волге. Оно написано перед образованием Куйбышевского водохранилища. Картины очень лирические, а у меня этой лирики не хватило. Но ведь я же не писатель. Мне гораздо легче написать научную статью, чем передать всю тонкость душевных переживаний, возникающих при общении с родной природой.

С искренним сердечным приветом,
К. Кабанов

Константин Андреевич Кабанов во дворе своего дома в д. Пахра, Подольского района, Московской области. Осень 1962 г.

Картины старой Волги

Солнце клонится к закату. Дневной жар начинает спадать. Недалеко от берега течением медленно несет небольшую лодку с несколькими пассажирами, неторопливо выбирающими удобное место для ночлега.

Солнце еще не зашло, и дневная духота еще дает о себе знать, однако уже начинает чувствоваться приятная свежесть, излучаемая рекой. Кругом так тихо, что береговая растительность похожа на театральные декорации: не колеблется ни один листок.

Перед путниками открывается удобное для ночлега место. На пологом бичевнике, усыпанном мелкой щебенкой, нет крупных каменных глыб, об которые стало бы бить лодку паровой волной. В некотором отдалении от воды потрескавшийся от жары берег, спускающийся к воде пологими террасами, зарос местами густой, порыжевшей от солнца осокой. Обрывистые стенки этого уютного уголка, стоящие полукругом, покрыты наверху высоким лесом и поэтому представляют собой надежную защиту от ветра в случае внезапного появления грозы.

Следует заблаговременно, до наступления темноты оборудовать лагерь, поэтому, высадившись и укрепив лодку, путники, не теряя времени, принимаются за дело. Необходимо также скорее взяться за сбор сухого хвороста, которого нужно много, чтобы поддерживать большой костер. Он будет гореть долго, сначала для приготовления ужина, а потом для освещения.

Сумерки спускаются быстро. Окончив все необходимое по оборудованию небольшого лагеря, нетерпеливые рыболовы на всякий случай принимают ставить на ночь закидные удочки.

Ночевка у костра на Волге – исключительно приятное времяпровождение! Собственно ночевкой это состояние назвать нельзя, так как спать в короткую летнюю ночь почти не приходится. Все хорошо знают, что отведенного для сна времени бесконечно мало и короткий сон почти не успеет освежить, а завтра, среди дня, в жару, утомление непременно возьмет свое. Однако и завтра ночью повторится эта же картина. Так велико удовольствие коротать ночь у костра!

Время уходит сначала на несложную стряпню, а затем на еду и чаепитие, сопровождаемые бесконечными душевными беседами и нескончаемыми воспоминаниями о таких же приятных минутах в прошлом. Неиссякаемая фантазия рассказчиков все возрастает и подогревает общее оживление. Почему-то чаще повествуется о том, чего на самом деле и не было, но что составляет заветные мечты, живо воплощающиеся в реальные образы. И в этом нет ничего плохого, так как допускаемая выдумка никому и ничему не вредит. Некоторые рассказчики переходят на анекдоты, которые не всегда можно рассказать в домашней обстановке.

Константин Кабанов, Симбирск, 1910-е гг.

Время от времени слышатся дружные взрывы смеха, свидетельствующие об общем хорошем настроении.

Между тем небо стало совсем темным. Летние звезды светят слабо, как будто затянутые легкой дымкой. От наиболее ярких из них падает на воду отражение в виде длинной, едва заметной светлой полоски. Иногда мелькает отблеск зарницы, на мгновение слабо осветив окружающую картину. Темнота еще более ступается от ярко горящего костра, от которого временами разлетаются во все стороны снопы искр. В воздухе с гудением проносятся крупные ночные жуки.

Противоположный берег чуть намечается темной линией. Там кое-где видны светлые, иногда ярко вспыхивающие точки – далекие костры, вокруг которых собрались такие же беспокойные скитальцы. Более светлой остается широкая лента реки; на ней одиноко горят белые и красные огни бакенов, отмечающих фарватер.

Вид на Симбирск от станции Часовня.
Акварель Д.И. Архангельского. 1920 – 1930-е гг.

Временами слышен отдаленный, сначала чуть долетающий стук паровых колес. Затем звук нарастает, и вот мимо проходит ярко освещенный пассажирский паровоз или тьмется темный буксирный караван с едва различимыми контурами отдельных его судов. На их мачтах тускло светятся сигнальные огни. Слышно, как отбиваются склянки. Вскоре начинают набегать на берег бурные волны. Потом, постепенно стихая, они удаляются вслед за паровозом.

Иногда, поскрипывая, медленно движутся плоты, какущиеся в темноте бесконечными. Отсюда слышатся звуки гармоника и задорные волжские частушки.

С пассажирских паровозов и с больших сормовских грузовых тепловозов – «самолодок» – обычно доносятся звуки радио, передающего музыку. Она очень мелодична и приятна, а может быть, это только так кажется благодаря тому, что звуки музыки

тесно переплелись с красотой ночной Волги, придающей им особую прелесть.

На берегу картина преобразуется. Неравномерно вспыхивающий костер освещает попеременно то один, то другой небольшой участок. В ночной темноте представляется, что деревья с любопытством придвинулись вплотную к стоянке и свободная площадка стала совсем маленькой. Высокий черный пенек на краю берегового обрыва напоминает сейчас фигуру молчаливо стоящего человека, неожиданно вышедшего из тьмы. Обнаженные корни деревьев стали гораздо толще, слившись с собственной тенью. Они повисли отвесно вниз, как якорные каботы, а под ними редкий кустарник превратился в непроходимую чащу. Ничего этого не существовало, пока было светло, а теперь все кругом оживило, таинственно переместилось и неузнаваемо изменилось.

Временами невольно охватывает какое-то смутное беспокойство от того, что ты виден со всех сторон, а от тебя самого скрыто все, что происходит вдалеке за твоей спиной. Однако беспокойство мимолетно и нисколько не отражается на восприятии окружающей ночной красоты, а неожиданный резкий крик и хлопанье крыльев пролетающего изредка или громкий гудок парохода не пугают, а напротив, дополняют образ картины ночи как неотъемлемые ее элементы, возвращающие к реальной действительности.

Но вот усталость начинает ослаблять общее возбуждение. Разговоры становятся вялыми, часто прерываются. Костер горит уже не так ярко. У всех растает сознание, что все-таки нужно хоть немного отдохнуть.

На востоке небо начинает чуть светлеть. Кромка противоположного берега вырисовывается яснее, а далекие костры гаснут один за другим. Сильнее чувствуется назойливость комаров, отгоняемых ранее густым дымом костра. Это заставляет искать спасение от них под пологом. Все укладываются и на время забываются сном. От углей потухшего костра летают последние одинокие искры, быстро угасая в ночном воздухе.

Сон истинных любителей природы – рыбаков, охотников и натуралистов, несмотря на утомление, не бывает долгим. Скоро один за другим все просыпается: пора приниматься за дело, ради которого приехали. Небо посветлело и приняло зеленовато-желтый оттенок. Краски наступившей зари непрерывно меняются, становясь все ярче. На небосклоне видны теперь только наиболее крупные звезды.

На берегу, около воды еще сумрак, но он сохранится недолго. Оттуда тянет сыростью, насыщенной запахом мокрой древесины и нефти. Слышны всплески крупной рыбы, играющей на зорьке на середине реки или гонящейся на каменистых перекатах за мальком. Над Волгой уже носятся чайки – вестники наступающего утра. Временами, замерев на мгновение в одной точке, они затем быстро бросаются в

воду за мелкой рыбешкой, неосторожно резвящейся близко от поверхности воды. Постоянно меняя направление полета, птицы возвращаются назад, а потом опять поворачивают и кружатся на одном месте, непрерывно издавая резкие крики. Вдоль кромки воды, посвистывая, пролетают небольшие кулички. Опустившись на илистый берег, они быстро бегут и, внезапно остановившись, покачивают хвостиками. Лес ожил от веселых птичьих голосов.

По реке, в отдалении, проплывает рыбацья лодка. Слышится равномерный скрип, чередующийся со скрипом весел о борт лодки. Иногда долетает монотонная тихая песня, как будто певец боится спугнуть предутреннюю тишину.

Появляется лодка бакенщика, направляющегося тушить сигнальные огни. Оживление на реке постепенно увеличивается.

Окончательно проснувшиеся рыбаки, слегка поживаясь от пролетевшего предрассветного ве-

терка, с помятыми от короткого сна лицами, но с радужными надеждами на предстоящую удачу, берутся за проверку поставленных на ночь снастей. От нетерпения они забыли даже умыться после сна и не думают о завтраке. Сейчас не до него!

Попавшаяся первая добыча еще более поднимает настроение и ускоряет приготовления к возделенному утреннему лову. Сменив насадку на вновь закинутых снастях, рыболовы постепенно начинают разматывать и за-

кидывать удочки, хотя поплавки еще плохо видны на воде. Сна как не бывало! Ночь уступила место полному надежд утру нового дня!

1955 г., К. Кабанов.

На острове Середыш. Акварель Д.И. Архангельского. 1920 – 1930-е гг.

В уникальной коллекции материалов о Волге и волжских городах, собранной Д.И. Архангельским и хранящейся в музее, листочек из школьной тетради с рассказом старого капитана-волгаря.

«Почти все города-«мужчины» расположены на правом берегу Волги. Ветхий и курьезный старичок Углич, веселый Плес, стройный Юрьеvec, бесшабашный Нижний Новгород, стерляжий Васильсурск, старый барин, помещик знатный – Симбирск, ревностный раскольник – Хвалынский, сереброкудрый Вольск, сам волжский король – Саратов, арбузный Камышин, песчаный и пыльный Царицын – все на правом берегу Волги. А «дамы», вроде сановной Костромы, узорчатой Казани, жаркой Самары, знатной рыбной торговли Астрахани, расселились на левом берегу реки Волги. Лишь бесстыжий Ржев разлегся на обоих берегах от скуки, да Тверь переметнулась на правый берег, а за ней подались туда же березовая Кинешма и торговая Сызрань. Вот так говорили о волжских городах в старое время».

Иллюстрации и открытки из личного фонда Д.И. Архангельского, хранящегося в ОГАУК «Ленинский мемориал».